

Ядвига Ставницка

Параметр фазисной детерминации действия при выделении типов таксисных отношений (на материале русского и немецкого языков)

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 2, 53-59

2006

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

*Ядвига Ставницка**

**ПАРАМЕТР ФАЗИСНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ДЕЙСТВИЯ ПРИ
ВЫДЕЛЕНИИ ТИПОВ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Способы языкового выражения времени давно привлекали внимание лингвистов, однако вопрос о выражении временных отношений объективной действительности с помощью разноуровневых языковых средств в их взаимодействии был впервые поставлен Р. О. Якобсоном (Якобсон 1972: 95–113), который ввел в научный обиход термин таксис (от греч. *taxis* – порядок). Концепция Р. О. Якобсона, разрабатывавшаяся представителями Ленинградской школы, наиболее полное развитие получила в монографии *Теория функциональной грамматики*, вышедшей под ред. А. В. Бондарко (1987: 234–296). Таксис определяется как функционально-семантическая категория, имеющая полевую структуру и характеризуется в монографии как

[...] временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса (Бондарко 1987, 234).

Временные (таксисные) отношения между действиями (в данной статье имеется в виду независимый таксис) подразделяются на два типа: дифференцированные и недифференцированные. В рамках дифференцированного типа выделяются отношения разновременности (сильной и слабой) и одновременности, занимающие основную позицию в системе временных отношений в повествовании. Существуют также промежуточные случаи с неопределенно-хронологическими отношениями и отношениями «псевдовременности».

С выражением типов таксисных отношений тесно связана аспектуальная характеристика предикатов (Полянский 1990: 48–50).

* Uniwersytet Śląski.

В связи с тем авторы названной монографии вводят понятие таксисно-аспектуальных ситуаций, при помощи которых определяются способы выражения таких аспектуальных значений, как предельность/непредельность, достигнутость/недостигнутость предела, способы прекращения действия/длительность и фазисная детерминация действия. Фазисная детерминация действия предполагает выделение одной из фаз в протекании действия – начальной, срединной и конечной (Маслов 1978: 18). В русском языке фазовые значения выражаются с помощью лексико-грамматических (*заговорить, отговорить, дослушать до конца*), лексических (фазисные глаголы *начать, стать, перестать*) и контекстуальных средств (Храковский 1987: 153–180).

Настоящая статья посвящена одному из способов выражения фазовости в русском языке. Исследуются конструкции с однородными сказуемыми без лексических экспликативов разновременности или одновременности, причем учет фактора фазисной детерминации действия охватывает не только употребление начинательных и финальных, но и детерминативных глаголов (действие начинается, продолжается и завершается, т. е. проходит все фазы в своем развитии). Характеризуются возможности перевода указанных конструкций на немецкий язык, в котором отсутствует грамматическая категория вида. Анализ русских текстов и их переводов на немецкий язык, выявляющий способы выражения таксисных отношений в обоих языках является – на наш взгляд – полезным не только для теории, но и практики перевода, а также для практики преподавания русского языка в немецкой аудитории и немецкого языка в русской аудитории.

В немецком языке значение достижения предела действия, в том числе и прекращение действия, выражается равноуровневыми языковыми средствами. Именно систему равноуровневых языковых средств, взаимодействующих не только друг с другом, но и с экстралингвистическими факторами формирования смысла Б. М. Балин определяет понятием **аспектологического контекста** (Балин 1969: 66; Балин, Бурмистрова, Колосова 1979: 31). Языковые средства аспектологического контекста проявляются на трех уровнях: лексическом (лексическая семантика), морфологическом (семантика глагольных форм) и синтаксическом (фигуры аспектологического контекста, регулярные речевые ситуации, семантика отдельных придаточных предложений, обстоятельства и контекстные элементы длительности или повторяемости). Выделение типов таксисных отношений проводится с учетом их интерпретации на основе логических моделей с использованием некоторых терминов темпоральной логики (Полянский 1987: 243–253). Так, при выражении разновременности облигаторным оказывается окончание предшествующего действия

(достижение предела) до начала/перед началом последующего действия¹. Прекращение предшествующего действия совершается в результате его естественного завершения, количественного ограничения времени протекания действия или прекращения действия под влиянием внешнего фактора.

Начинательные глаголы выражают значение ограниченного пределом целостного действия в начальной фазе:

(1) Они присели около землянки, закурили. (Шолохов: *Они сражались за родину*). Sie setzten sich vor den Bunker und rauchten.

В русском примере начинательность выражается глаголами совершенного вида. В немецком предельный глагол *sich setzen*, передающий в контексте значение достижения предела, влияет на интерпретацию неопределенного глагола, следующего за ним и приобретающего, тем самым, предельное значение (ср. *Они сидели и курили. Sie saßen und rauchten.* – одновременность). На интерпретацию неопределенного глагола влияет аспектологический контекст (фигура сопряженности действий в последовательности)². В примере (2) начинательное действие предшествует другому действию, в этом случае мы имеем дело с контекстным указанием на прекращение действия, под которым понимается его завершение в начальной фазе.

(2) Пенсне его задрожало и поползло книзу. (Федин: *Города и годы*). Sein Zwicker zitterte und glitt hinunter.

„Левый” предикат *zittern* является неопределенным. Но контекст указывает на прекращение действия вследствие наступления другого действия. Сосуществование обоих действий оказывается невозможным в силу отношения внеположенности (исключения) предикатов.

Обозначение начальной фазы действия связано в немецком языке с выражением достижения предела. Фазисные значения в немецком языке выражаются эксплицитно, с помощью лексико-грамматических (*aufschreien, losgehen, erbeben*), лексических (*beginnen, anfangen, aufhören*)

¹ Здесь мы имеем в виду случаи т. наз. контактной разновременности (непосредственное предшествование/следование действий друг за другом) и простой разновременности (возможны небольшие временные промежутки между действиями). См. Веселкова 2000: 26–27. Под пределом понимается полнота (исчерпанность) фиксируемого данным глаголом проявления действия во времени (Бондарко 1986: 15).

² «Обязательным условием функционирования фигуры должно быть, чтобы одно или несколько действий этой цепи имели значение предельности, сформированное не за счет свойства фигуры, а как то иначе» (Балин 1969: 72).

или фразеологических (*in Bewegung geraten, in Wut geraten*) средств. Эксплицитное выражение начинательности при этом не является обязательным. Более часты случаи, когда в немецком переводе встречается неопределённый глагол, выступающий эквивалентом русского базисного глагола (базисного для начинательного глагола). Немецкий глагол отражает действие в срединной фазе и значение предельности приобретает как компонент аспектологического контекста. Языковое отражение фазовости не совпадает с онтологической фазовостью не только по причине того, что не все фазы действия можно представить в языке непосредственным способом, но и потому, что нет потребности отображать в высказывании все фазы действия (Мыркин 1993: 42–46). При выражении одной из фаз, подразумеваются и все остальные, легко восстанавливающиеся фазы.

Одновременность отношений между действиями достигается путем их представления в срединных фазах (недостижимость предела).

(3) Теперь Соня *сидела* в углу, *думала* о своей жизни... (Казак: *Некрасивая*). Nun *saß* Sonja allein in der Ecke und *dachte* über ihr Leben *nach*...

При разновременности следует обратить внимание на две возможности интерпретации при передаче фазисной детерминации действия в немецком языке (Полянский 1990: 56).

(4) Он умолк на минуту, *побарабанил* ногами по полу и вынул из кармана газету. (Федин: *Города и годы*). Er verstummte einen Augenblick, *trommelte* mit den Füßen auf den Fußboden und zog aus der Flasche die Zeitung hervor.

В немецком переводе возможна не только детерминативная интерпретация действия *trommeln* (*начать барабанить + барабанить некоторое время + перестать барабанить*), но и ингрессивная (*начать барабанить*), причем возможность продолжения действия не исключается. Несмотря на способ интерпретации, отношения между действиями остаются разновременными.

(5) – Но-но-но-но! – внезапно заорал во все горло Филофей, и приподнялся, и *замахал* кнутом. (Тургенев: *Стучит*). „No-no-no-no-!“ brüllte Filofej aus vollem Hals, erhob sich und *schwang* die Peitsche.

В примере (5) возможна интерпретация действия *schwingen* не только как ингрессивного (что следует из русского текста), но и как детерминативного, хотя она все же осуществляется в пределах разновременности действий.

Говоря об отличиях между немецким и русским языками в выражении интересующего нас параметра фазисной детерминации, необходимо

сказать, что для немецкого языка этот параметр не является релевантным в контексте нестройной (слабой) разновременности³.

(6) Окончив работу, инженер радостно *засмеялся*, похлопал жену по толстой теплой спине и придвинул к себе коробку с судаком. (Ильф, Петров: *Золотой теленок*). Als er mit seinem Werk fertig war, *lachte* der Ingenieur zufrieden, klopfte seine Frau auf den dicken, warmen Rücken und zog die Büchse mit dem Zander näher zu sich heran.

В русском примере наблюдается строгая разновременность между действиями, в немецком слабая разновременность. При этом возможна двоякая интерпретация: а) предшествующее действие к моменту наступления второго закончилось; б) начало второго действия совпадает с конечной частью предшествующего. В контекст можно ввести экспликативы разновременности (*dann*) или одновременности (*zugleich, gleichzeitig*): ...*der Ingenieur lachte zufrieden und dann/zugleich klopfte seine Frau auf den dicken, warmen Rücken...* Не исключается также возможность пересечения временных контуров действий (Полянский 1983: 87; 1990: 72–73). Каждая из таких трансформаций отражает только одну сторону отношения слабой разновременности между действиями, предполагая только одну из возможных интерпретаций. Между действиями *lachen, die Frau auf den ... Rücken klopfen, die Büchse ... an sich heranziehen* возможны указанные ранее отношения, хотя установление фазисной детерминации невозможно. Отношения слабой разновременности отмечаются между действиями, допускающими пересечение своих временных контуров, т. е. между глаголами конкретного физического действия и глаголами зрительного восприятия (*sehen, betrachten*), глаголами эмоционального состояния (*lachen, weinen*) или глаголами речи (Полянский 1983: 86; 1990: 72).

Второй тип представляет собой один из случаев неопределенно-временных отношений, характеризующихся отсутствием выражения как разновременности, так и одновременности действий. Отмечается лишь сопряжение (сосуществование) компонентов полипредикативного комплекса в едином периоде времени. Действия отображаются в своих начальных фазах, или в ограниченной длительности, без выделения временных контуров, что подчеркивает несущественность их последовательности (Бондарко 1971: 187; 1987: 253–255; Козинцева 1987: 287–288). В таких контекстах в русском языке используются начинательные и дедимитативные глаголы.

(7) По мерзлому простору озера *зажужжал* – *зашелестел* ознобный ветерок... (Залягин: *Комиссия*). Über die weite Fläche des zugefrorenen Sees *schurrte* und *raschelte* ein eisiger Wind.

³ О нестройной разновременности см. Полянский 1983: 84–89; 1990: 71–74.

(8) *Посидели, покурили* в пятой роте у лейтенанта Зеленчакова. (Тендряков: *Встреча с Нефертити*). In der fünften Kompanie saßen sie alle bei Leutnant Selentschakow und rauchten.

В немецком контексте обе трансформационные пробы (строгой разновременности и одновременности) не отражают таких соотношений между действиями, которые выражаются в русском примере.

(9) Вместо ответа Маргарита обрушилась на диван, *захохотала, заболтала* босыми ногами и потом уж вскричала... (Булгаков: *Мастер и Маргарита*). Statt einer Antwort warf Margarita aufs Sofa, lachte schallend, strampelte mit den bloßen Beinen und rief dann.

В примере (9) контекст определяет временной предел действия, воспринимаемого как целостное событие (*захлопать, заболтать ногами*). Действие внешне ограничивается другими действиями (*обрушиться на диван и вскричать*). Ситуативно обусловленное прекращение действия подчеркивается экспликативом разновременности *потом/dann*). (Ср. также другой пример с эксплицитным выражением прекращения действия:

(10) *Посидела, поерзала* на стуле и ушла. (Дудинцев: *Не хлебом единым*). Dort hatte sie eine Weile gegessen – und dann war sie plötzlich verschwunden.

В заключение необходимо отметить, что функционально-семантическое поле таксиса в немецком языке требует специального изучения. Интересным в этом отношении представляется сопоставительное исследование таксиса как универсальной категории в немецком языке со славянскими языками, с выявлением ее особенностей применительно к каждому из языков. Добавим, что комплексное изучение механизмов формирования таксисно-временной соотнесенности применительно к польскому языку еще не проведено. Перспективными представляются исследования функционально-семантического единства словесной, в том числе морфологической и синтаксической, формы высказывания как на материале различных славянских языков, так и в славянско-неславянском сопоставлении.

ЛИТЕРАТУРА

- Балин Б. М., (1969), *Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским*, Калинин.
Балин Б. М., Бурмистрова Л. А., Колосова Л. П., (1979), *Сравнительная аспектология русского и немецкого языков*, Калинин.
Бондарко А. В., (1971), *Вид и время русского глагола (значение и употребление)*, Москва.

- Бондарко А. В.**, (1986), *Семантика предела*, «Вопросы языкознания», № 1, с. 14–25.
- Бондарко А. В.**, (1986), *Замечания об отношениях недифференцированного типа*, [в:] *Теория функциональной грамматики*, ред. А. В. Бондарко, Ленинград, с. 253–256.
- Бондарко А. В.**, (1987), *Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса*, [в:] *Теория функциональной грамматики*, ред. А. В. Бондарко, Ленинград, с. 234–242.
- Бондарко А. В.**, (ред.), (1987), *Теория функциональной грамматики*, Ленинград.
- Веселкова О. Н.**, (2000), *Темпоральная организация текста: содержательный аспект проблемы (на материале немецкого языка)*, [в:] *Теория языка. Компаративистика. Германистика. Сборник статей*, ред. Г. А. Храмова, Архангельск, с. 26–27.
- Кознищева Н. А.**, (1987), *Аспектуально-таксисные ситуации (локализованные во времени) в полипредикативных конструкциях сочинительного типа*, [в:] *Теория функциональной грамматики*, ред. А. В. Бондарко, Ленинград, с. 280–288.
- Маслов Ю. С.**, (1978), *К основаниям сопоставительной аспектологии*, [в:] *Вопросы сопоставительной аспектологии*, ред. Ю. С. Маслов, Ленинград, с. 4–44.
- Мыркин В. Я.**, (1993), *Трудные вопросы немецкой аспектологии и темпорологии*, Архангельск.
- Полянский С. М.**, (1983), *Отношение слабого предшествования и параметр фазисной детерминации действия в немецком слитном предложении*, [в:] *Способы действия германского глагола в синхронии и диахронии*, ред. В. В. Климов, Калинин, с. 84–90.
- Полянский С. М.**, (1987), *Одновременность/разновременность и другие типы таксисных отношений*, [в:] *Теория функциональной грамматики*, ред. А. В. Бондарко, Ленинград, с. 243–253.
- Полянский С. М.**, (1990), *Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка)*, Новосибирск.
- Храковский В. С.**, (1987), *Семантика фазовости и средства её выражения*, [в:] *Теория функциональной грамматики*, ред. А. В. Бондарко, Ленинград, с. 153–180.
- Якобсон Р. О.**, (1972), *Шифтеры, глагольные категории и русский глагол*, [в:] *Принципы типологического анализа языков различного строя*, ред. Б. А. Успенский, Москва, с. 95–113.

Jadwiga Stawnicka

**THE FACTORS OF DETERMINATION OF PHASES OF ACTIONS
ON THE DESCRIBING OF TYPES OF THE CHRONOLOGICAL
RELATIONS BETWEEN THE ACTIONS IN RUSSIAN AND GERMAN**

S u m m a r y

This paper characterizes one of the way to describe the meaning of phases in Russian. The author presents the different ways of translation of the phase meaning to German. The phase meaning, which in Russian in the morphologically way are expressed, are translated with the lexical-grammatical, lexical or contextually means.